

На правах рукописи

**Терехов
Виктор Петрович**

**Государственная политика России, СССР
и Российской Федерации по отношению к Памиру
(вторая половина XIX – начало XXI в.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2011

Работа выполнена на кафедре истории ННОУ ВПО «Московский гуманитарный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук,
профессор, Заслуженный деятель
науки Российской Федерации
Королев Анатолий Акимович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Трепавлов Вадим Винцерович

кандидат исторических наук
Соловьева Любовь Тимофеевна

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Московский
государственный гуманитарный
университет им. М.А. Шолохова»**

Защита диссертации состоится «01» декабря 2011г. в 16.30 час. на заседании диссертационного совета Д 521.004.01 при ННОУ ВПО «Московский гуманитарный университет» по адресу: 111395, Москва, ул. Юности, 5/1, корп. 3, ауд. 511.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ННОУ ВПО «Московский гуманитарный университет».

Автореферат разослан « » октября 2011г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Мацуев А.Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Изучение проблем внешней и внутренней политики царской России, СССР и Российской Федерации в отношении Памира как социокультурного региона обусловлено как потребностями исторической науки, так и запросами социальной практики, необходимостью осмыслить исторический опыт и учесть его в современных условиях.

Научная значимость избранной темы заключается в том, что изучение истории и освоения Памира дает уникальную возможность проанализировать, как в зависимости от смены общественно-политического строя менялась политика государства к одной и той же периферийной, но важной с военно-стратегической и геополитической точек зрения территории.

История изучения Памира императорской Россией ведет свое начало к середине XIX в., когда между нею и Британией развернулась борьба за сферы влияния и рынки сбыта в глубинных районах Евразийского континента, известная в зарубежной литературе под названием «Большая игра»¹. Памирские княжества ввиду своей историко-географической неизученности и политической незащищенности оказались в эпицентре соперничества великих держав – Российской и Британской империй, а также Афганистана и Китая, закончившегося в итоге их добровольным вхождением в состав Российской империи.

История борьбы за Памир позволяет по-новому взглянуть на дискуссионную в отечественной исторической науке проблему присоединения Средней Азии к России и не рассматривать этот процесс только как колониальное завоевание, приведшее к негативным последствиям для среднеазиатских народов, а царскую Россию – как империю, эксплуатировавшую свои национальные окраины, что деформировало их развитие и привело к историческому отставанию ныне суверенных государств – республик бывшего СССР.

Памирский район, преобразованный в 1925 г. в Горно-Бадахшанскую автономную область Таджикской ССР, в советский период проделал благодаря государственной помощи значительные трансформации в социальной сфере, культуре, образовании, здравоохранении, науке и т.д. Анализ этих преобразований дает возможность показать, что внутренняя политика Советского государства, несмотря на имевшиеся негативные особенности, оказала прогрессивное влияние на социокультурное развитие ранее отсталых национальных окраин России.

¹ Термин «Большая игра» (англ. *The Great Game*) использовался при характеристике империалистического соперничества между Британской и Российской империями за господство в Центральной Азии (1813–1907). См.: Morgan G. *Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895*. L., 1981. P. 15–16; Сергеев Е.Ю. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX – начала XX века: новый взгляд // *Российская история*. 2011. № 5. С. 4.

С распадом СССР и вхождением Памира в состав независимого государства Республика Таджикистан, как и в советский период, в качестве автономии, этот регион продолжает, но уже в новом качестве, находиться в сфере внешнеполитических интересов Российской Федерации. В настоящее время на пространстве Центральной Азии, как и полтора века назад, разворачивается так называемая Новая Большая игра, одним из объектов влияния в которой остается Памир. Среди новых субъектов действия – США, Иран и Япония. В связи этим перед Россией встает задача активного отстаивания своих государственных и национальных интересов в регионе. И это делает избранную тему актуальной не только с научной точки зрения, но и в прикладном плане – для выработки стратегии поведения соответствующих государственных органов (МИД, федеральных пограничной и таможенной служб, службы по контролю за оборотом наркотиков и др.) в отношении Памира, соседствующего, с одной стороны, с Афганистаном – очагом нестабильности на Среднем Востоке, а с другой – с Китаем, который проявляет значительный внешнеполитический и экономический интерес к памирской территории.

В этой связи представляется важной научной проблемой осмысление полуторавекового опыта осуществления мероприятий политического, экономического, социокультурного и этнического характера Россией, СССР, Российской Федерацией в отношении Памира в переломные моменты истории. Исследование актуально и в связи с выбором вектора развития экономических, социальных, политических и культурных связей в XXI столетии, которое несет с собой множество вызовов России.

Объектом исследования является политика императорской России, Советского Союза и Российской Федерации по отношению к Памиру, соответственно, в дореволюционный, советский и постсоветский периоды истории Отечества.

Предмет исследования – основные направления политики России в отношении Памира со второй половины XIX в. до настоящего времени в связи с внешне- и внутривнутриполитическими целями.

Историография. Монографических работ по рассматриваемой теме не имеется. Отдельные ее аспекты нашли отражение в ряде монографий и статей отечественных и зарубежных исследователей. При этом степень разработанности и полноты освещения тех или иных вопросов, связанных с политикой России в отношении Памира, существенно различается.

Практически не освещена борьба царской России за этот регион в период Большой игры в работах русских дореволюционных историков, которые не употребляют и сам этот термин². Связано это с тем, что так называемый Памирский вопрос получил свое окончательное решение лишь в конце XIX столетия, а потому до Октябрьской революции 1917 г. не мог быть

² См.: Бокиев О.Б. Вопросы присоединения территории Таджикистана к России в русской дореволюционной исторической литературе // Программа и тезисы докладов Ташкентского государственного университета им. В.И. Ленина. Душанбе, 1970.

всесторонне проанализирован отечественными учеными. К тому же вопросы внешней политики царского самодержавия освещались дореволюционными историками меньше, чем внутривосточные, как указывал Н.А. Халфин, по причине ограниченного доступа к секретным документальным материалам в государственных архивах³. Этот регион, как составная часть Кокандского и Бухарского княжеств, рассматривался лишь в общем контексте англо-русских отношений в Центральной Азии⁴.

Вместе с тем российская сторона Большой игры имеет существенное значение, о чем свидетельствует документальный материал в сочинениях непосредственных ее участников, главным образом офицеров российского Генерального штаба⁵. Все они не претендуют на обобщение и касаются прежде всего военно-разведывательной деятельности на Памире – исследования путей сообщения, характеристики географической обстановки, выяснения отношения местного населения к русским, англичанам и афганцам. Сведения о религии памирцев, их языках и обычаях, которые учитывались военным и дипломатическим ведомствами России, собирали гражданские специалисты разных специальностей, например, геолог Д.Л. Иванов, этнографы-лингвисты А.А. Бобринский, М.С. Андреев и др.⁶

О политике Российской империи в Центральной Азии в целом и на Памире в частности писали британские участники Большой игры, государственные деятели, ученые-востоковеды. В их работах отмечались

³ Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М., 1960. С. 4.

⁴ См.: Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. С картами и планами. Т. 1–3. СПб., 1906; Он же. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875; Он же. Россия и Англия в борьбе за рынки в Центральной Азии. СПб., 1876; Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1880; Венюков М.И. Поступательное движение России в Средней Азии // Сборник государственных знаний. Т. 3. СПб., 1877; Грулев М. Соперничество России и Англии в Средней Азии. СПб., 1909 и др.

⁵ См.: Громбчевский Б.Л. Современное положение Памирских ханств и пограничной линии с Кашмиром (Военно-политический очерк). Новый Маргелан, 1891; Зайченко [З.И.], Генерального штаба капитан. Очерк возникновения, последовательного развития и современного положения Памирского вопроса. Ташкент, 1903; Костенко Л.Ф. Военно-научная экспедиция на Алай и Памир // Военный сб. СПб., 1877. № 4; Путята, Генерального штаба капитан. Очерк экспедиции в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан 1883 г. // Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 10. СПб., 1884; Серебренников Г.А. Туркестанский край: Сб. материалов для истории его завоевания. Т. 19. Ташкент, 1914; Т. 20. Ташкент, 1915; Тагеев Б.Л. Памирские походы 1892–1895 гг. Десятилетие присоединения Памира к России. Варшава, 1902 и др.

⁶ См.: Иванов Д.Л. Путешествие на Памир // Изв. РГО. Т. XX. Вып. 3. СПб., 1884; Бобринский А.А. Секта Исмаилья в русских и бухарских пределах Средней Азии. Географическое распространение и организация. М., 1902; Андреев М.С., Половцев А.А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии (Ишкашим и Вахан) // Сб. Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии Наук. Т. 1. Вып. IX. СПб., 1911 и др.

стремление России к расширению своих территориальных владений и готовность напасть на британскую Индию⁷.

В советский период внешнеполитическим и экономическим причинам завоевания Россией среднеазиатских ханств посвящены работы Н.А. Халфина⁸, однако в них не отражены конкретные политические шаги Российской империи на Памире. Эту проблему детально рассмотрел Б.И. Искандаров⁹. На основе частично открытых архивных материалов он дал обстоятельный анализ российской политики на Памире, показав, в частности, как готовилось русско-британское соглашение 1872–1873 гг. и как оперативно отреагировало российское правительство (поход отряда полковника Ионова) на вторжение в 1891–1892 гг. китайских вооруженных отрядов на территорию Памира, находившуюся в зоне русского влияния. В той или иной степени вопрос о месте этого региона во внешней политике России нашел освещение в других трудах Б.И. Искандарова, которые считаются классическими в памироведении¹⁰.

О политике России на Памире писали также О.Б. Бокиев и Л.Н. Харюков¹¹, на работы которых значительное влияние оказали жесткие идеологические рамки, в которых функционировала советская историческая наука.

Среди современных исследований, касающихся политики России на Памире, следует отметить фундаментальный труд А.В. Постникова¹². Представляет интерес то, что автор на основе большого массива документов отечественных и зарубежных архивов и обстоятельного анализа англо-русской борьбы за Памир делает заключение, что Российская империя, решая Памирский вопрос, исходила, как и ее соперница Британия, из политических соображений и не принимала во внимание интересы памирских народов в ходе так называемого Памирского разграничения 1895 г. Районы их расселения оказались рассечены государственной границей

⁷ См.: Rawlinson, Sir Henry C. *England and Russia in the East: A series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia*. L., 1875; Younghusband, Col. Sir Francis Edward. *India and Tibet*. L., 1910; Curzon Hon. George Nathaniel. *Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question*. L., 1889 и др.

⁸ См.: Халфин Н.А. Указ. соч.; Он же. *Присоединение Средней Азии к России (60–90-е гг. XIX в.)*. М., 1965.

⁹ См.: Искандаров Б.И. *Изучение Памира в связи с историей сопредельных стран во второй половине XIX в.* // Изв. АН Таджикской ССР. Отд. общественных наук. 1966. № 4(46). С. 28–39.

¹⁰ См.: Искандаров Б.И. *Англо-русское разграничение 1872–1873 гг.* // Вопросы истории Таджикистана. Сталинабад, 1961; Он же. *Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.* Ч. 1. Душанбе, 1962; Он же. *Социально-экономические и политические аспекты истории памирских княжеств*. Душанбе, 1983 и др.

¹¹ См.: Бокиев О.Б. *Завоевание и присоединение Северного Таджикистана, Памира и горного Бадахшана к России*. Душанбе, 1994; Харюков Л.Н. *Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм*. М., 1995.

¹² Постников А.В. *Схватка на «Крыше Мира»: Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке* / Общ. ред. и предисл. акад. В.С. Мясникова. М., 2005.

между Афганистаном, находившимся в зоне влияния Британии, и Бухарским эмиратом, бывшим в вассальной зависимости от России.

В современной западной историографии политические шаги России на Памире в контексте Большой игры рассматриваются в трудах Г. Моргана, П. Хопкирка и О.Э. Клубба¹³. Последний подробно анализирует вопрос о том, как Россия решала пограничный спор из-за памирских территорий с Китаем. Представляет интерес работа профессора Гамбургского университета Ф. Блисса, который, анализируя англо-русское противоборство, приходит к выводу о том, что присоединение Памира к Российской империи имело характер оккупации¹⁴.

Развитию Горно-Бадахшанской автономной области в составе СССР посвящены работы, написанные на основе марксистско-ленинской методологии. Большинство из них посвящены установлению Советской власти на Памире, организации революционных комитетов и Советов, возникновению и развитию партийной организации ГБАО. По словам Р.М. Масова, отсутствие промышленных предприятий и малочисленность рабочего класса были главной причиной слабой разработки этих вопросов и историографии Советского Бадахшана¹⁵. Сравнительно шире изучена история аграрных преобразований Горного Бадахшана, тем не менее первые советские мероприятия в этой сфере, до процесса коллективизации, оказались неисследованными.

Причиной слабой освещенности довоенных социально-экономических преобразований в автономной области была скудная источниковедческая база; исследования основывались главным образом на воспоминаниях и немногочисленных архивных документах. Не стала предметом специального изучения и история проведения коллективизации в ГБАО. Несколько статей посвящены развитию народного образования, здравоохранения и культурному строительству в области¹⁶.

К началу 1980-х гг. на основе документального материала была создана единственная в автономной области коллективная работа, посвященная истории Советского Бадахшана¹⁷. В ней нашли отражение вопросы

¹³ Morgan G. Op. cit. L., 1981; Хопкирк П. Большая игра против России: Азиатский синдром / Пер. с англ. М., 2004; Clubb O.E. China and Russia: The Great Game. N.Y.; L., 1971 и др.

¹⁴ См.: Bliss F. Social and Economic Change in the Pamirs (Gorno-Badakhshan, Tajikistan). L.; N.Y., 2006 (раздел «The Great Game and the Russian occupation of the Pamirs». P. 67–75).

¹⁵ Масов Р.М. Историография Советского Бадахшана // Очерки по истории Советского Бадахшана. Душанбе, 1981. С. 26.

¹⁶ См.: Давлатеров Д. Развитие народного образования на Памире в годы завершения строительства социализма (1946–1958) // Изв. АН Таджикской ССР. Отд. обществ. наук. 1976. № 1; Мирзобеков М.М. История развития здравоохранения Советского Памира // Здравоохранение Таджикистана. 1977. № 3; Назаршоев М.Н. Культурное строительство в ГБАО за годы восьмой пятилетки (1968–1970) // Сб. статей по истории Советского Таджикистана. Душанбе, 1978 и др.

¹⁷ См.: Очерки по истории Советского Бадахшана. Душанбе, 1981.

политического, экономического и социокультурного развития области за 60-летний период Советской власти.

Наибольший вклад в историографию Памира в советский период внес М.Н. Назаршоев, именем которого назван единственный в ГБАО Хорогский государственный университет. Его работы, ограниченные жесткими идеологическими рамками, дают, тем не менее, фактический материал и показывают, как развивалась ГБАО в рамках советского государства. Как и в других исследованиях того времени, в трудах Назаршоева затушевывались трудности, с которыми сталкивалась область во взаимоотношениях с республиканскими (душанбинскими) властями, не отражены предпосылки экономического кризиса, разразившегося после распада СССР. В труде Т.С. Каландарова¹⁸ подчеркивается, что за годы Советской власти в области не удалось создать полноценное производство, основанное на использовании местной сырьевой базы, а также развить самообеспечивающееся сельское хозяйство.

Единственной работой западноевропейских авторов, в которой нашли освещение проблемы советского периода истории ГБАО, а также рассмотрены некоторые вопросы демографии, антропологии и этнологии памирских народов, является труд уже упоминавшегося Ф. Блисса.

Ни в отечественной, ни в зарубежной историографии нет работ, посвященных политике Российской Федерации в отношении Памира. Имеющиеся в научном обороте исследования касаются взаимоотношений с Республикой Таджикистан в целом, без акцентирования внимания на регионах. Между тем ГБАО – единственная автономия в составе Республики Таджикистан, население которой значительно отличается от таджиков в языковом, религиозном и этническом плане и исторически тяготеет к России.

Цель исследования состоит в том, чтобы на основе использования разнообразных, в том числе впервые вводимых в научный оборот документов, проанализировать основные этапы в политике царской России, СССР и РФ в отношении Памира; дать объективную оценку процессам и тенденциям во внутренней и внешней политике, которые связаны с этим историко-культурным регионом в середине XIX – начале XXI в.

Поставленная цель реализуется посредством следующих исследовательских задач:

- исследовать генезис и эволюцию политики императорской России в отношении Памира в период Большой игры;
- показать в исторической динамике реализацию заключенных международных договоров и соглашений, которые подписывало российское правительство по Памирскому вопросу с Великобританией, Афганистаном и Китаем в конце XIX – начале XX в.;
- раскрыть характер политики российских властей после добровольного вхождения Памира в состав Российской империи;

¹⁸ Каландаров Т.С. Шугнанцы: историко-этнографическое исследование. М., 2004.

– исследовать роль Советского государства в процессах экономического, политического и социокультурного развития ГБАО в предвоенный и послевоенный периоды до распада СССР;

– выявить основные направления во внешней политике Российской Федерации в отношении Таджикистана и Памира, направленные на защиту ее национальной (государственной) безопасности.

Источниковая база исследования. Для решения поставленной цели и задач автором привлечен массив архивных и опубликованных источников. Благодаря предпринятому эвристическому подходу, ориентированному на поиск научно обоснованных исторических фактов и документов, последние были выявлены в российских государственных архивохранилищах и архивах научных учреждений.

В фондах *Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ)* – «*Политическое агентство в Бухаре. 1907–1917*», «*Среднеазиатский стол “А” 1828–1917*», «*Среднеазиатский стол “Б” 1873–1917*», «*Донесения политического агентства в Бухаре*», «*Азиатский департамент. 1813–1917*», «*СПб Главный архив II-8*» – отложились документы (докладные записки, переписка, отчеты и др.), которые имеют отношение к внешней политике России второй половины XIX – начала XX в. в Средней Азии и связаны с 1) решением Памирского вопроса в период Большой игры, 2) экспедициями русских путешественников в Горный Бадахшан, 3) работой политических агентов в Бухаре, 4) разведывательной деятельностью дипломатических сотрудников, 5) взаимоотношениями между дипломатическим и военным ведомствами по проведению согласованной линии в отношении памирских княжеств.

В ходе анализа роли военного министерства Российской империи в решении Памирского вопроса автором привлечены документы *Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА)* (фонды «*Штаб Туркестанского военного округа*», «*Сменный Памирский отряд. 1893–1917*», «*Мургабский отряд. 1885–1886*», «*Азиатская часть Главного штаба: Департамент Генерального штаба*»). Это 1) переписка между Главным штабом и представительствами Министерства иностранных дел в Центральной Азии, в том числе в Бухаре, Кашгаре и др., 2) донесения разведчиков и дипломатических работников о военно-политическом и внутривосточном положении в Афганистане и на Памире и соседних с ними районах, 3) рапорты начальников Памирского и Мургабского пограничных отрядов, находившихся в восточной и западной частях региона, 4) межведомственная переписка, связанная с наблюдением за иностранными путешественниками по Средней Азии, 5) отчеты о полевых и рекогносцировочных поездках офицеров Генштаба по Памиру и другим близлежащим районам с приложенными картами и схемами, 6) военно-статистические описания приграничных с Россией регионов, в том числе Горного Бадахшана, 7) военно-географические обзоры Памира, 8) инструкции Генштаба офицерам-разведчикам, начальникам Памирского

отряда и Ишкашимского поста, 9) отчеты об экспедициях в припамирские районы.

Выявленные источники позволяют проанализировать: а) какие приоритеты ставило руководство Туркестанского военного округа, в который входила территория Памира, в военно-научном изучении этого пограничного региона, б) кто из военных специалистов исследовал регион и с какой целью, в) как функционировали Памирский отряд, Мургабский и Ишкашимский пограничные посты, г) какие организационные и тактические изменения происходили в действиях Штаба Туркестанского военного в период с конца 1870-х гг. до 1917 г.

Для исследования истории и этнографии народов Памира русскими гражданскими специалистами были привлечены документы *Архива Института этнологии и антропологии РАН* (Коллекция Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии), некоторые из которых до сих пор не были опубликованы и впервые введены в научный оборот.

В *Фотоархиве Института этнологии и антропологии* изучены и частично атрибутированы ценные фотоснимки со стеклянных фотопластин-негативов, привезенных из первой (1895 г.) и второй (1898 г.) экспедиций графа А.А. Бобринского. Они свидетельствуют о том, в каких условиях приходилось работать российским военным и гражданским специалистам в период Большой игры, собирая сведения, необходимые для дипломатического и военного ведомств России.

О социокультурном развитии Горно-Бадахшанской автономной области в советский период (1950–1970-е гг.) дают представление материалы фонда «Отчеты о работе экспедиций и отрядов» указанного выше Архива Института этнологии и антропологии РАН. Особое значение имеют материалы Памирского отряда Среднеазиатской экспедиции, обследовавшего Западный Памир в 1964, 1966–1967 гг. Они позволяют установить, какие конкретные мероприятия политического, социально-экономического и этнического характера проводило советское государство в автономной области в послевоенный период.

Материалы фондов *Архива Российской академии наук* («Музей антропологии и этнографии», «Комиссия по изучению племенного состава населения СССР», «Комиссия экспедиционных исследований», «Русский комитет по изучению Средней Азии и Восточной Азии», личные фонды членов Академии С.И. Коржинского, В.В. Бартольда, К.Г. Залемана, А.Н. Северцова), а именно отчеты, постановления, резолюции, тексты рукописей, межведомственная переписка и др., позволяют проследить деятельность ряда научных организаций и ученых разных специальностей, направленную на изучение Средней Азии и Памирского региона в дореволюционный и советский периоды истории.

С той же целью использованы личные фонды *Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук* (А.П. Федченко, О.А. Федченко, Б.А. Федченко, К.Г. Залеман, Э.Л. Регель); *Научно-исследовательского*

отдела рукописей Российской государственной библиотеки (М.И. Венюков, Г.Е. Щуровский, А.П. Федченко, О.А. Федченко, Н.В. Богоявленский).

Большое значение для изучения природных богатств Памирского региона имеет коллекция минералов *Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН* (розовая шпинель, рубин, лазурит, кварц и др.), собранная на Памире советскими геологами в 1930–1980-е гг. Она позволяет автору диссертации сделать заключение о перспективности инвестирования Российской Федерацией горнодобывающего производства на Памире и развития экономических связей с этим регионом.

В диссертационном исследовании использованы материалы фондов *Центрального исторического архива г. Москвы* («Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии», «Московский императорский университет. 1712–1928», «Лазаревский институт восточных языков. 1814–1918»), которые позволяют дополнить имеющиеся в отечественной исторической науке о деятельности одного из важнейших научных обществ, внесших значительный вклад в освоение Памира, а именно Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, а также о тех выпускниках Московского университета и Лазаревского института, которые в дореволюционный период способствовали естественно-научному изучению Памира.

Одним из важных источников пополнения знаний о социокультурном развитии ГБАО в составе СССР являются личные и семейные архивы ученых, изучавших и изучающих Памир. В диссертационном исследовании использованы материалы из *личных архивов* академика Б.А. Литвинского, Л.Ф. Моногаровой, Икромиддина Мухитдинова, Т.С. Каландарова и др.

Большую группу составляют опубликованные источники. Для характеристики политики царской России в отношении Памира это прежде всего сборники документов¹⁹. Кроме того, военно-географические *описания*²⁰, *отчеты* военных и ученых об их экспедициях на Памир и в прилегающие к нему страны, а также *статистические материалы*. Особая роль в статистическом описании этого региона принадлежит А.Ф. Костенко, подготовившему фундаментальный труд «Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа» (Т. 1–3. СПб., 1880).

¹⁹ См.: Россия. Министерство иностранных дел. Афганское разграничение, переговоры между Россией и Великобританией. 1872–1885 гг. СПб., 1886; Русско-китайские отношения 1689–1916 гг. Официальные документы. М., 1958; Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. Т. 3-4. СПб., 1896; Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952 и др.

²⁰ См.: Венюков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1878. Вып. 2; Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. V. СПб., 1883.

Немалое значение имеют материалы отраслевой периодики – «Вестник Русского географического общества», «Известия Русского географического общества», «Записки Русского географического общества», издававшиеся при Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии, «Землеведение», «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», а также такие периодические издания, как «Известия Туркестанского отдела Русского географического общества», «Записки Туркестанского отдела Императорского общества любителей естествознания, астрономии и этнографии».

Для изучения советского периода в диссертации нашли отражение *материалы народно-хозяйственного значения, документы партийных и государственных органов, переписи населения* и др.

Для анализа политики РФ в отношении Памира использованы в первую очередь «Концепция национальной безопасности Российской Федерации» (от 17 декабря 1997 г., № 1300 и от 10 января 2000 г., № 24), а также «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» (от 12 мая 2009 г., № 537).

Одни из существенных видов источников в указанный период – *законодательные акты* Республики Таджикистан (Конституция, Конституционный закон о ГБАО, Закон о языке и др.), итоги первой в Таджикистане *переписи населения*.

Необходимо отметить, что большая часть источников была почерпнута автором из Интернет-ресурсов – на официальных сайтах российских, английских и таджикостанских информационных агентств. Некоторые аспекты, связанные с внешнеполитическими связями РФ и Таджикистана, а также современным политическим и экономическим положением ГБАО нашли отражение на страницах периодических изданий, таких как «Центральная Азия и Кавказ», «Международная жизнь», «Независимая газета» и др.

Хронологические рамки исследования – вторая половина XIX в. – первое десятилетие XXI в., т.е. период от начала освоения и изучения Памира, а также борьбы за него России, до времени развертывания в Центральной Азии Новой Большой игры, т.е. начала 2000-х гг., участницей которой является Российская Федерация.

Методологическая и теоретическая основа исследования. Исходя из классификации основных методологических концепций, распространенных в отечественной науке, в качестве теоретической основы диссертационного исследования выбран цивилизационный подход. Теоретико-методологическую базу работы составили прежде всего принципы историзма, научной объективности и целостности.

Использованы системный подход и сравнительно-исторический метод, а кроме того применены системно-структурный метод и метод периодизации, методы ретроспективного и перспективного анализа исторических источников. В основу структуры разделов положен проблемно-хронологический принцип.

В работе представлена совокупность общенаучных и частнонаучных методов познания, а также анализ и синтез. Анализ помогает рассмотреть труды отдельных ученых, их содержание, основные концепции и выводы, сделанные в их работах. Синтез позволяет выявить общие тенденции в развитии истории Памира, увидеть целостную картину событий во всем ее многообразии.

Научная новизна исследования. Диссертация – первое комплексное исследование, посвященное политике Российской империи, СССР и Российской Федерации в отношении такого важного геостратегического региона мира, как Памир.

– Анализ использованных в работе материалов позволил на примере Памира по-новому оценить внешнюю политику Российской империи в Средней Азии во второй половине XIX в. и опровергнуть тезис о том, что процесс завоевания/присоединения этого региона имел негативные последствия для развития российских национальных окраин и их населения. Автор доказал, что Россия становилась гарантом стабильности в регионе, способствовала прекращению междоусобных, разорительных войн, ликвидации работорговли и развитию экономических и культурных связей.

– Реконструирована историческая картина борьбы России за Памир в ходе полувековой так называемой Большой игры в Центральной Азии на основе введения в научный оборот новых документов военного и дипломатического ведомств Российской империи.

– В результате проведенного анализа политики Советского государства в отношении Горно-Бадахшанской автономной области показано, что в советский период памирские народы в сравнении с родственными народами на территории Афганистана за короткий исторический срок ликвидировали экономическую и культурную отсталость и добились значительных успехов в социально-экономическом и культурном развитии.

– Впервые в отечественной историографии рассмотрена проблема Памира (ГБАО) с точки зрения внешнеполитических интересов Российской Федерации и предложена возможная модель поведения России как в двусторонних российско-таджикских отношениях, так и в отношении Памира, являющегося составной частью Республики Таджикистан.

– Проанализированы вызовы и опасности (риски) политического характера, ожидающие Российскую Федерацию в случае отказа от проведения активной внешней политики в Памирском регионе как важнейшем объекте геостратегического значения; приведены факты экспансионистского влияния на Памир со стороны Китая и Ирана.

Научно-практическая значимость работы. Исторические материалы, собранные и проанализированные в ходе исследования, а также отдельные выводы диссертации могут найти научное и практическое применение в вузовских курсах отечественной истории, а также в школьном курсе истории при изучении вопросов, связанных с борьбой между Англией и Россией в Средней Азии, присоединением среднеазиатских ханств к Российской империи.

Выводы и предложения, касающиеся национальной политики СССР применительно к Таджикистану и этнической истории народов Памира, могут быть использованы Министерством внутренних дел и Федеральной миграционной службой России в текущей деятельности при идентификации приезжих из Республики Таджикистан и установлении их национальной принадлежности. Введенный в научный оборот фактический материал о постсоветском развитии Памира в составе Республики Таджикистан будет полезен дипломатическим сотрудникам в прогнозировании внешнеполитических мероприятий Российского государства во взаимоотношениях со странами Шанхайской организации сотрудничества. Кроме того, он может быть использован пограничными службами и Федеральной службой РФ по контролю за оборотом наркотиков.

Имеющиеся в исследовании данные по религии памирских народов – исмаилизму, как ответвлению от шиитского ислама, могут найти применение при подготовке религиозно-этнографических работ.

Апробация работы. Основные положения диссертации нашли отражение в научных публикациях и монографическом исследовании. Отдельные аспекты работы представлены в виде докладов и выступлений на научных конференциях, «круглых столах», проведенных в Российской академии наук, Московском гуманитарном университете (конференции «Высшая школа для XXI века» 2008–2010 гг., «Групповая идентичность в истории и культуре: этнос, религия, социальный организм», 2011 г.).

Структура работы соответствует поставленным цели и задачам. Диссертация состоит из Введения, трех разделов, Заключения, Списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, формулируются цель и задачи работы, определяются объект и предмет, хронологические рамки, методология и принципы, а также новизна исследования, возможности его практического применения, дается характеристика источников и историографии темы.

В **Разделе 1 «Памирский регион как объект политических интересов России во второй половине XIX – начале XX в.»** дается периодизация политико-дипломатической борьбы за Памир в ходе так называемой Большой игры; прослеживается роль внешнеполитического и военного ведомств, а также научных организаций (Русское географическое общество, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии и др.) в изучении территории этой горной страны, политического положения памирских княжеств, их границ с соседними Афганистаном и Китаем; анализируются процесс присоединения Памира к России и мероприятия государства по его укреплению как пограничного форпоста.

До середины XIX столетия из-за своей труднодоступности и изолированности Памир практически не был известен европейской науке. Сведения о нем исследователи черпали из немногочисленных арабских и

китайских источников. Первым европейцем, попавшим в этот регион только в XIII в., был венецианский купец Марко Поло, а затем англичанин Джон Вуд в 1838 г. После него в течение почти 30 лет сюда не проник ни один европейский путешественник.

Освоение Памира в самом широком смысле этого слова началось в результате развернувшегося в середине XIX в. соперничества Англии и России за контроль над Центральной Азией. Памирский регион занимал пограничное положение между сферами влияния Российской империи на севере и Британской – на юге и, таким образом, представлял собой важный геостратегический объект. Считалось, что тот, кто станет владеть им, тот будет иметь власть в Центральной Азии. Памирское военно-операционное направление (с юга – к границам Средней Азии и с севера – в направлении британской колонии Индии) рассматривалось Англией и Россией как перспективное, могущее принести большой результат и «оправдать те усилия, которые придется затратить на его преодоление»²¹.

Кроме великих держав участниками Большой игры, претендовавшими на Памирские земли, в частности на Ваханское и Шугнанское княжества, были окружающие их соседние страны – прежде всего Китай и Афганистан, а также Коканд и Бухара. Пользуясь неясностью и неурегулированностью вопроса о территориальной принадлежности Памирских земель, они предъявляли на них так называемые «исторические права». Схватка на «Крыше мира», как иногда называют этот регион, стала кульминационным этапом Большой игры.

В 1847 г. между бухарским и афганским эмирами был заключен договор, по которому р. Амударья стала границей между их странами. При этом ни Шугнан, ни Вахан не входили в пределы территории афганского правителя. Позднее, в 1869–1872 гг., велись переговоры между Англией и Россией о нейтральной зоне между их владениями в Средней Азии. Российское правительство поддержало инициативу британского кабинета министров о «нейтральном поясе», неприкосновенном для обеих сторон и предотвращавшем их непосредственные контакты. Российская сторона подразумевала под нейтральным поясом Афганистан, однако англичане предложили считать такой зоной р. Амударью к югу от Бухары. Россию данное предложение не устраивало: владения Бухары находились по обе стороны от этой реки, и все они рассматривались как сфера влияния России.

Неопределенность границ в районе Афганистана и соседнего Памира оказывалась камнем преткновения в переговорах и создавала гипотетическую опасность военного столкновения в этом регионе двух мировых империй. Об этом свидетельствуют приводимая в диссертации переписка Штаба Туркестанского военного округа с Главным штабом о мерах на случай разрыва отношений с Англией²², депеша русского

²¹ Снесарев А.Е. Афганистан. М., 2002. С. 43.

²² РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2195.

посольства в Лондоне по среднеазиатским делам²³. Спорным оставался и вопрос о двух областях, расположенных на северо-востоке, – Вахане и Бадахшане. Россия не желала признавать их территорией Афганистана, Британия же, наоборот, настаивала на включении их во владения афганского эмира.

Таким образом, в эти годы на основе англо-русского договора формально решался вопрос об установлении мирных и дружественных отношений между Бухарой, которую поддерживала Россия, и Афганистаном, на стороне которого находилась Англия, и определении пограничной линии между этими странами. В действительности же обе европейские державы делили сферы влияния и стремились расширить свои владения за счет слабых народов.

Не желая осложнять отношения с Британией накануне похода на Хиву, Россия уступила и признала в 1873 г. принадлежность Вахана и Бадахшана афганскому эмиру. Вместе с тем она продолжала сохранять свободу действий в отношении стран нейтрального пояса, что выразилось в 1876 г. в присоединении к Российской империи Кокандского ханства, под юрисдикцией которого пребывало Шугнанское княжество с входившим в его состав Рушаном. С этого времени последнее *de facto* стало числиться за Россией, однако она, в условиях русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и нежелания обострять отношения с Англией, не решилась присоединить его, чем и воспользовались другие участники Большой игры.

Нарушение англо-русского договора о разграничении произошло в 1877–1878 гг., когда бухарский эмир вторгся в пределы Дарваза, включив в свои владения ту его часть, которая находилась на левом берегу Амударьи. В ответ афганский эмир с молчаливого согласия, а точнее, при поддержке англичан, захватил в 1883 г. Шугнан и Рушан. В итоге англо-русский договор 1872–1873 гг. был нарушен, поскольку эти княжества находились в зоне российского влияния.

Российская дипломатия, рассматривая захват Шугнана и Рушана как акт беззакония и нарушения условий указанного соглашения, надеялась на то, что Англия заставит афганского эмира вывести войска из аннексированных районов. Однако англичане рассматривали Шугнан и Рушан как часть Бадахшана, принадлежащего Афганистану, и предложили создать трехстороннюю комиссию (Великобритания, Россия, Афганистан) для делимитации границы. Россия в качестве условия создания ее потребовала вывести афганские войска из Шугнана и Рушана. Переговоры зашли в тупик, а оба памирских княжества до 1895 г. находились в оккупации. При этом они неоднократно выражали готовность перейти в подданство «белого царя»²⁴.

²³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 147 (Среднеазиатский стол). Оп. 485. 1876–1894 гг.

²⁴ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 1396. Оп. 2. Д. 138. Переписка со штабом войск Ферганской обл. и Памирским отрядом о

В диссертации показано, что позиция российских военных и дипломатов в отношении Памира приходила в противоречие. Первые в лице Генерального штаба были убеждены в необходимости занятия этого важного для России региона, поскольку в противном случае Британия могла разделить его между Китаем и Афганистаном и в результате оказаться в близком соседстве от российских территорий Средней Азии, в частности от Ферганской области. Внешнеполитическое ведомство придерживалось более осторожной и осмотрительной политики, ссылаясь, с одной стороны, на отдаленность Русского Туркестана от памирских государственных образований, что затруднило бы их присоединение к России, а с другой – на нежелательность нарушать достигнутые с Англией договоренности.

В итоге памирским княжествам было отказано в принятии под покровительство России, как и в переходе в подданство бухарского эмира, поскольку это могло привести к столкновению между Бухарой и Афганистаном и осложнить российско-британские дипломатические отношения.

После установления русско-афганской границы, согласно Петербургскому протоколу 1887 г., и сложившегося в регионе *status quo* Россия решила не предпринимать каких-либо шагов относительно решения Памирского вопроса, которые могли бы нарушить фактическое положение²⁵. В связи с этим нам не представляется убедительным мнение некоторых современных исследователей, что отклонение просьбы памирцев принять их в русское подданство в этой ситуации объективно укрепляло позиции англичан на Западном Памире, способствовало ослаблению влияния России в этом регионе и создавало угрозу безопасности для Туркестана²⁶. Эта точка зрения совершенно очевидно отражает позицию российских военных, придерживавшихся в отношении Средней Азии в целом и Памира в частности принципа «ничего, кроме наступательного».

Ко всем прочему следует учитывать и тот факт, что в российском обществе в тот период наметилась тенденция к установлению в Азии лояльных отношений с Англией во имя «цивилизации и гуманности».

После того, как России удалось в 1894 г. договориться с Китаем относительно границы на Восточном Памире, англичане поспешили заручиться согласием русских на создание к северу от Гиндукуша буферной афганской территории – так называемого Ваханского коридора. Несмотря на

продвижении царских войск на Памир и о политическом положении в Афганистане и пограничных ханствах Шугнана, Рошана и Вахана. 1894–1895 гг.

²⁵ Об этом свидетельствуют и архивные документы. См.: АВПРИ. Ф. 147 (Среднеазиатский стол). Оп. 485. Д. 887. По поводу отправления смешанной русско-английской комиссии для выполнения на месте постановлений подписанного в Петербурге 10/22 июля 1887 г. русским и английским уполномоченными протокола относительно северо-западной границы Афганистана. 1887 г.

²⁶ Напр., см.: Каландаров Т.С. Шугнанцы: историко-этнографическое исследование. М., 2004. С. 71.

это, они продолжали поддерживать оккупацию Афганистаном Шугнана и Рушана, хотя он и согласился передать эти территории Бухаре, находившейся в вассальной зависимости от России.

Памирский вопрос был окончательно решен лишь в 1895 г., после подписания Британией и Россией соглашения «о разграничении сфер влияния в области Памиров»²⁷, что имело важное политическое значение и положило начало окончанию Большой игры. Согласно этому документу, получившему в истории наименование Памирское разграничение, границей между Афганистаном и подчиненной России Бухарой была определена р. Пяндж. Левобережные части Рушана, Шугнана, Ишкашима и Вахана отходили к Афганистану, а правобережные были отданы под номинальное управление эмиру Бухарского ханства – вассалу России. Последняя добилась и вывода афганских войск с оккупированных памирских территорий на правом берегу Пянджа.

Вместе с тем Памирское разграничение, окончательные делимитация и демаркация линии границ в регионе были произведены со стороны как России, так и Англии на основе политического решения, без учета «исторических прав» соседних государств и реальных прав местного населения Памира. Последнее, составлявшее в течение многих веков единое целое, оказалось в прямом смысле разобщено границей, что в последующем значительно осложнило их экономическое, культурное и этническое развитие.

Перейдя юридически под власть бухарского эмира, памирское население правобережной части Пянджа, недовольное произволом и злоупотреблениями бухарских властей, в начале XX в. добровольно вошло в состав Российской империи. Это освобождало народы Памира от опасности вторжений со стороны Афганистана и Бухары, грабительских набегов правителей небольших соседних государств и междоусобных войн владетелей памирских княжеств. Объективно для малочисленных памирских этносов открывалась возможность свободного развития и преодоления экономической и культурной отсталости.

Русская администрация до революционных событий 1917 г. активно занималась прокладкой дорог на Памире, устройством почтово-телеграфной связи, оказала посильную помощь местному населению в области просвещения и здравоохранения. В итоге с установлением власти России в регионе стало заметно оживление экономической жизни, преодоление его замкнутости и изолированности, а также рост общей культуры.

Таким образом, во второй половине XIX столетия Памир оказался в эпицентре противоборства крупнейших империй мира – Британской и Российской. Борьба последней за обладание им прошла несколько этапов, а кульминацией ее стали Памирское разграничение и добровольное вхождение

²⁷ АВПр. Ф. 147 (Среднеазиатский стол). Оп. 485. Д. 890. Переговоры с Англией по вопросу о разграничении Памиров. Ч. VI. 1895 г.; Д. 891. Ч. VII. 1895 г.

памирских княжеств в состав России. Тем самым фактически был положен конец активной фазе Большой игры. Политика российского государства в Памирском пограничном регионе была направлена на укрепление его как южного подбрюшья империи и создание условий для успешной интеграции памирских народов в общероссийское культурное пространство.

В Разделе 2 «Место и роль Горно-Бадахшанской автономной области в системе Советского государства (1920-е годы – 1991 г.)» рассматривается государственная политика на Памире в сфере экономики, культуры, социальных и национальных отношений, анализируются ее позитивные и негативные стороны, раскрываются причины, приведшие к кризисным явлениям в развитии автономной области накануне распада СССР.

Почти все важнейшие политические, социально-экономические и культурные мероприятия Советского государства имели на Памире значительную локальную специфику, которая была не схожа даже с той, которая имела в других, равнинных районах Средней Азии.

С одной стороны, Памир был самой глубинной и высокогорной национальной окраиной Советской России, что затрудняло связи с ней, а с другой, из-за своего географического положения он являлся пограничной зоной, соседствующей с Центральной, Южной и Юго-Западной Азии, что придавало ему особое значение с геополитической и военной точки зрения.

Во всех других отношениях – демографическом, политическом, экономическом и культурном – Памир продолжал оставаться самой отсталой национальной окраиной СССР. Населявшие его немногочисленные восточноиранские этносы находились на феодальной ступени социально-экономического и политического развития. В регионе отсутствовали какая-либо инфраструктура, начатки промышленного производства. Земледелие и ремесло были примитивными.

До 1923 г. весь Памир, Восточный и Западный, входил в Туркестанскую АССР, будучи частью Ферганской обл. В 1925 г. он как Автономная Горно-Бадахшанская область (в декабре 1941 г. переименована в Горно-Бадахшанскую автономную область – ГБАО) с центром в г. Хороге вошел в состав Таджикистана. Принятая в 1931 г. Конституция Таджикской ССР определила правовой статус ГБАО, ее органов государственной власти и государственного управления. Область получила административно-политическую автономию.

Довоенный период истории СССР характеризовался решением триединой задачи по коренному переустройству общества – проведения социалистической индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и культурной революции. На Памире все эти составные части имели свои особенности.

Процесс индустриализации, понимаемый как социально-экономический переход от аграрного типа общества к индустриальному, с преобладанием промышленного производства в экономике, не мог осуществляться в ГБАО. В регионе промышленность как таковая отсутствовала, а основу его экономики традиционно составляли неразвитое орошаемое земледелие и

частично скотоводство в западной части Памира и исключительно отгонное скотоводство в восточной.

Главной задачей экономического преобразования края стало развитие производственной инфраструктуры (дороги, каналы, система связи и др.). В 1930-е гг. в первую очередь получила развитие сеть дорог внутри каждого из районов ГБАО. С 1931 г. началось грандиозное в масштабах горной Средней Азии строительство Памирского тракта – автомобильной дороги, которая должна была связать Горный Бадахшан с Киргизией и Узбекистаном. За два года (1931–1932) удалось проложить восточный отрезок пути Ош – Хорог, соединивший, таким образом, Восточный и Западный Памир, а через два года завершить строительство тракта в западном направлении – к Сталинабаду (с 1961 г. – Душанбе). Накануне войны, в 1940 г., была построена еще одна важная автомобильная дорога, связавшая столицу республики Сталинабад и Хорог. Большое значение для экономики области имело и открытие в начале 1930-х гг. воздушного сообщения: прямой авиалинии Хорог – Сталинабад (Душанбе), а также внутриобластных Хорог – Ишкашим и Хорог – Мургаб.

Появление сети крупных и мелких дорог районного масштаба, а также авиасообщения покончило с вековым бездорожьем в Горном Бадахшане, способствовало развитию его экономики и позволило поддерживать более тесные этнокультурные связи как внутри региона, так и с равнинной территорией Таджикистана.

Составной частью «промышленной революции» на Памире стало рождение гидроэнергетики. Здесь имелись необходимые для эффективного производства электроэнергии на ГЭС факторы: гарантированная обеспеченность водой круглый год и большие уклоны рек. С постройкой Памирского автомобильного тракта, по которому стало возможным доставлять в горы оборудование и материалы, план ГОЭЛРО в Горном Бадахшане обрел реальные черты. В 1940 г. на р. Гунт была сооружена и в январе следующего года запущена первая в регионе гидроэлектростанция. Она оказала существенное влияние на развитие производительных сил Памира и высокогорных населенных пунктов этого горного края и положила начало строительству ГЭС на реках Пяндж, Бартанг и Ванч.

Таким образом, постройка Памирского тракта и сети дорог, открытие воздушного сообщения, а также строительство электростанций с использованием энергии водного потока в ГБАО явились составной частью процесса индустриализации.

При этом возведенные объекты и открытие авиалиний имели, по нашему мнению, не только народно-хозяйственное значение. В 1936 г. СССР закрыл свою границу с соседним Афганистаном. Возможно, с учетом складывавшейся в предвоенные годы международной обстановки строительство в приграничном Памире транспортных путей преследовало военно-стратегические цели.

Развернувшаяся в СССР в 1930-е гг. коллективизация затронула и Горный Бадахшан. Здесь колхоз как социальный институт и как форма

хозяйствования, при которой средства производства (земля, оборудование, скот, семена и т.д.) находились в совместной собственности, под общественным управлением, а результаты труда распределялись общим решением, имел позитивное значение. Создание колхозов фактически обеспечивало консервацию тех форм общественных и хозяйственных отношений, которые реально уже существовали на Памире. Да и сами колхозы в организационном плане первоначально создавались в Средней Азии по авлодному принципу, закрепив в новых формах ведения хозяйств существовавшие семейно-родственные (общинные) отношения. Собственно говоря, созданные на Памире еще в 1920-е гг. трудовые артели для общественной обработки земли являлись аналогом колхозов.

В 1930-е гг. Западный Памир стал своеобразным экспериментальным полигоном. Здесь проводились опыты по выращиванию в условиях высокогорья новых культурных растений, не традиционных для данного природного региона. В 1934 г. была организована стационарная Памирская биологическая станция – первое в мире биологическое учреждение в крайних высокогорных зонах (до 3500 м). В 1940 г. в Хороге был создан ботанический сад.

Составной частью социалистического строительства на Памире были преобразования в области культуры. За 20 лет здесь удалось не только преодолеть неграмотность, но и ввести всеобщее семилетнее обучение с тем, чтобы впоследствии перейти к среднему образованию. Постройка в Хороге в 1934 г. радиостанции стала значительным событием в истории Памира, как и открытие двумя годами позже музыкально-драматического театра. В разных районах ГБАО была создана целая сеть культурно-просветительных учреждений, в том числе библиотек. С 1931 г. на таджикском и русском языках начала выходить областная газета «Бадахшони сурх» («Красный Бадахшан»).

К началу 1940-х гг. культурная революция, ставившая своей целью «советизацию» массового сознания, ликвидацию неграмотности населения, создание социалистической системы народного образования и просвещения, на Памире была в целом завершена. В ее итоге сформировалась прослойка социалистической интеллигенции, которая начала играть значительную роль в социокультурной жизни Памира.

Единственное, чего не удалось осуществить и что имело в дальнейшем негативные последствия, – это создание народами Памира собственной письменности. Союзные и республиканские власти рассматривали подобные попытки как проявление местного национализма. Памирские языки, на которых горцы общались в быту, оставались бесписьменными, а преподавание и обучение в школах края, педагогических училище и техникуме до войны и после нее велось на таджикском языке.

Успехи были достигнуты в ГБАО и в области здравоохранения. За два послереволюционных десятилетия удалось полностью ликвидировать заболеваемость малярией, кожными болезнями, трахомой и др., которые имели распространение на Памире в прошлом.

В 1950-е гг. власти Таджикистана предприняли попытку принудительного переселения язгулемцев, рошорвцев и бартангцев из верховьев рек Язгулема и Бартанга, а также шугнанцев и ваханцев в равнинные хлопкосеющие районы. Однако социальный «эксперимент» с целью обработки неосвоенных земель для развития хлопковой промышленности силами горцев не удался. Переселенцы, рожденные в иных природно-климатических условиях, физически не смогли адаптироваться к жизни на равнине. Большинство из них вернулось на родину.

В целом в советский период народы Памира совершили качественный переход от феодализма к новым социально-экономическим отношениям: они преодолели былую экономическую и культурную отсталость, достигли больших успехов в области образования и здравоохранения. Значительно повысился уровень их материального благосостояния, наблюдался рост духовной культуры и науки.

Вместе с тем начиная с 1960-х гг. и до распада СССР ГБАО примерно на 80% находилась на дотации Центра. В советский период здесь не удалось создать крупной промышленной базы и эффективного сельского хозяйства. Развитие производительных сил было немыслимо без собственной сырьевой базы, а также использования полезных ископаемых, которыми богата автономная область.

В начале горбачевской «перестройки» была предпринята попытка превратить Горный Бадахшан в центр гидроэнергетики, используя уже имевшиеся в регионе гидроэлектростанции. В 1986 г. на р. Гунт началось строительство первой очереди каскада гидроэлектростанций. Планировалось возведение Памирской ГЭС с вводом ее в действие в 1988 г. Однако создать крупные производственные объекты не удалось. Программа электрификации фактически была провалена. Реформирования требовало и капитальное строительство. Не устраивали и темпы строительства новых и реконструкции старых автомобильных дорог Памирского тракта. Наблюдались перебои в системе снабжения. В реформировании нуждался и сельскохозяйственный сектор экономики области: совхозы оставались убыточными, а зарплата их работников – мизерной.

Можно сделать следующий вывод. Процесс экономических и социокультурных преобразований, начатый государством в 1930-е гг. на Памире, имел своим положительным итогом создание инфраструктуры и гидроэнергетики, повышение общего благосостояния местного населения за счет дотационного развития региона. Однако отсутствие свободных сельскохозяйственных площадей, неразвитость горнодобывающей отрасли производства, возросшая антропогенная нагрузка в результате демографического взрыва в советский период, недостаточное финансирование автономной области из центрального и республиканского бюджета в 1980-е гг. – эти и другие факторы привели к тому, что к началу 1990-х гг. экономика области находилась в кризисном состоянии и требовала проведения системных реформ, которые позволили бы превратить этот дотационный регион с его колоссальными сырьевыми запасами в

самообеспечивающийся. Экономический кризис совпал с распадом СССР и еще более усугубил тяжелое социально-экономическое положение в ГБАО.

В Разделе 3 «Памир в сфере внешней политики Российской Федерации (1991–2011 гг.)» прослеживаются двусторонние, а также в рамках СНГ и других региональных международных организаций отношения России с независимой Республикой Таджикистан и ее автономной областью в сфере политики, экономики, культуры, военного сотрудничества, безопасности государственных границ.

В результате распада СССР Памир, будучи неотъемлемой частью сначала Российской империи, а затем Советского Союза в качестве автономии в составе Таджикской ССР, изменил свой государственный статус. С 1991 г. он под прежним названием – Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО) – вошел в состав суверенной Республики Таджикистан. Отделение Памира от России имело драматические политические и экономические последствия для него, а кроме того, осложнило связи с этим регионом Российской Федерации, поскольку ГБАО не имеет права на самостоятельную внешнеполитическую деятельность, что является прерогативой Душанбе. Вместе с тем и в новых условиях Горный Бадахшан продолжает играть на постсоветском пространстве роль одного из важнейших геостратегических районов Центральной Азии.

Российская Федерация заинтересована в сохранении своего политического влияния как в Таджикистане в целом, так и на Памире в частности. Ее внешнеполитические связи с Республикой Таджикистан развиваются, с одной стороны, в рамках СНГ, Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а с другой – на двусторонней, как независимых стран, основе, регламентированной международно-правовыми нормами.

Двусторонние взаимоотношения России и Таджикистана в первые пять лет после обретения независимости можно охарактеризовать как «развод – интеграция»²⁸. Обе страны переживали период национально-государственного переустройства, самоопределения, политической и экономической интеграции в мировое сообщество. В начале 1990-х гг. в Российской Федерации не было единой точки зрения на перспективы взаимоотношений с бывшими союзными республиками в целом и с Таджикистаном в частности. В российских политических и деловых кругах господствовали европоцентристские настроения и ориентация на Запад, а идеи евразийства не рассматривались как серьезное направление во внешнеполитических концепциях.

В начале 1990-х гг. РФ пришлось решать трудные задачи, связанные с вооруженным межклановым конфликтом в Таджикистане между сторонниками центральной власти и различными группировками в лице

²⁸ Олимова С. Таджикистан – Россия: от «развода» к интеграции // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 3(9). С. 42.

Объединенной таджикской оппозиции, который вылился в гражданскую войну (1992–1997 гг.). Причем ГБАО на начальном ее этапе составляла значительную оппозиционную силу, провозгласив себя в качестве Автономной республики Бадахшан (АРБ) в составе Таджикистана. Здесь были сильны сепаратистские настроения, выразившиеся в готовности отделиться от Республики Таджикистан.

Урегулирование межтаджикского конфликта стало одним из первых шагов новой внешней политики России на «среднеазиатском направлении». Российская Федерация была обеспокоена как самим конфликтом, так и незащищенностью 1344-километрового участка таджикско-афганской границы. Значение ГБАО, как зоны непосредственного соприкосновения с Афганистаном, после распада СССР еще более возросло. В августе 1992 г. в Москве на встрече глав государств России, Средней Азии и Казахстана, посвященной ситуации в Таджикистане, под давлением российской стороны было принято решение о коллективной обороне таджико-афганской границы, как границы Содружества Независимых Государств. С самого начала поддержание мира в содружестве было прерогативой России, а миротворческая деятельность СНГ как региональной организации имела ярко выраженную российскую окраску. В качестве миротворцев использовалась 201-я мотострелковая дивизия.

Продолжавшаяся в Республике Таджикистан гражданская война обусловила приоритетное развитие *военно-политических отношений* между двумя странами. После прихода к власти Э. Рахмонова Россия открыто поддержала его, предоставив республике значительную экономическую помощь и осуществляя активное военное сотрудничество с ней. Правовой базой отношений стали подписанные в 1993 г. «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи» и «Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о сотрудничестве в военной области». Они способствовали изоляции гражданского конфликта в Таджикистане от воздействия экстремистских политических сил соседнего Афганистана.

В первые годы гражданской войны российские власти вынуждены были лавировать между оппозиционным республиканскому центру приграничным Памиром и режимом Э. Рахмонова в попытке установления гражданского мира. Именно Россию оппозиция рассматривала как третейского судью, от которого зависит достижение мира и стабильности в регионе. Критическая ситуация сложилась в середине 1993 г., когда правительственные военные части вошли на территорию самопровозглашенной, но не признанной Душанбе автономной республики. Последняя потребовала от правительства Таджикистана прекратить начавшиеся боевые действия с памирскими отрядами самообороны и силами оппозиции.

Одновременно руководство ГБАО/АРБ обратилось к президентам России и стран СНГ с просьбой вмешаться в ситуацию²⁹. Было высказано пожелание, чтобы российским пограничным войскам были приданы функции оперативного руководства силами самообороны на Памире, а в административном центре области г. Хороге открыто консульство Российской Федерации.

Учитывая важность ситуации и роль ГБАО как в целом в межтаджикском конфликте, так и в отношении пограничного с Афганистаном вопросе, осенью 1993 г. российская дипломатия и военные договорились с руководством автономной области о прохождении памирскими призывниками службы в рядах вооруженных сил России³⁰. Кроме того, командование объединенных коллективных миротворческих сил достигло соглашения о налаживании отношений между пограничными войсками с силами самообороны Памира. Предусматривалось использование последних в качестве офицеров, солдат-контрактников и служащих для охраны государственной границы и поддержания общественного порядка в местах их нахождения³¹.

Официальный Душанбе проводил в отношении автономной области политику «кнута и пряника», то подвергая регион экономической блокаде, то осуществляя доставку сюда гуманитарной помощи. Вопрос об изменении государственного статуса ГБАО был закрыт в 1994 г. в результате принятия Конституции Республики Таджикистан, а годом позже конституционного закона «О Горно-Бадахшанской автономной области» как составной и неотделимой части Таджикистана. Волеизъявление народа не было принято в расчет; правовое положение ГБАО определяли Конституция, указанный конституционный закон и другими законами республики.

Россия в условиях гражданской войны, поддерживая правительство Э. Рахмонова, не могла, с одной стороны, вмешиваться во внутренние дела суверенной республики, а с другой – одобрить распространенную на Памире идею о выходе из состава Таджикистана и присоединении к России. Вывод в 1995 г. под давлением Душанбе российских войск с памирского участка таджико-афганской границы и замена их таджикскими пограничниками лишил часть населения ГБАО гарантированного трудоустройства, источника доходов и создал угрозу проникновения из соседнего Афганистана наркотиков и оружия. Жители этого региона совершенно очевидно приветствовали бы возвращение российских пограничников, о чем ведутся переговоры между Москвой и Душанбе.

В последнее десятилетие Республика Таджикистан проводит «многовекторную» внешнюю политику, ориентируясь наряду с Россией на США, Европейский Союз и Китай. Для сохранения своего влияния в этой

²⁹ Бадахшон. 1993. 13 августа; Худоёров М.М. Социально-культурные трансформации на постсоветском Памире. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. С. 79.

³⁰ Бадахшон. 1993. 5–11 ноября.

³¹ Там же.

стране Россия продолжает развивать двусторонние связи, используя имеющиеся опыт и договоренности, а также поддерживает сотрудничество с Таджикистаном в рамках СНГ, ШОС и ОДКБ. При этом Российская Федерация не стоит забывать об особой роли ГБАО в геополитической системе Евразии. Важное стратегическое положение и пророссийская ориентация его населения могли бы способствовать созданию дополнительной и самостоятельной оси Москва – Хорог. Более того, поскольку связь Горного Бадахшана с остальным Таджикистаном не очень крепка в силу этнорелигиозных отличий, России следовало бы выделить данный регион в отдельную геополитическую зону, так как стратегическое значение Хорога центрально для гигантского региона, превосходящего масштабы не только Таджикистана, но и всей Средней Азии³².

Для поддержания более тесных отношений с Памиром возможны самые разные формы взаимодействия, например, создание совместных российско-памирских предприятий, в первую очередь в горнорудной промышленности и гидроэнергетике.

Таким образом, в новых политических обстоятельствах Горный Бадахшан продолжает сохранять свое важное значение как южной границы СНГ, имея близкое соседство с такими странами, как Афганистан, Индия, Пакистан, Иран, Китай, роль которых на политической арене все более и более возрастает в условиях строительства многополярного мира. Памир служит одним из перевалочных регионов, через который пролегает наркотрафик из Центральной Азии в Европу, что также привлекает внимание к этому региону. Ныне соперниками России как в Таджикистане в целом, так и на Памире в частности выступают не только США и Китай, но и Европейский Союз, который заинтересован в укреплении памирского участка таджикско-афганской границы. Кроме того, не следует забывать, что духовный лидер памирцев-исмаилитов – имам Ага-хан IV – является влиятельным политическим деятелем, признанным мировым сообществом, который имеет тесные связи как с западноевропейскими, так и с центральноазиатскими правительствами. Все это ставит перед Россией задачу нахождения новых внешнеполитических векторов развития отношений с Памиром.

В Заключении подводятся итоги диссертационного исследования, которые сформулированы в следующих выводах.

Во-первых, автор раскрыл сложный процесс становления и развития политики России в отношении Памира в условиях Большой игры. При этом были выявлены различия в подходах военного и дипломатического ведомств. Если первое придерживалось наступательной тактики с целью скорейшего присоединения Памирского региона к России, то второе занимало более взвешенную позицию, опасаясь осложнения дипломатических отношений с

³² См.: Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997. С. 205.

Британской империей и возникновения гипотетического военного конфликта. Решение Памирского вопроса, а точнее, осуществление Памирского разграничения в 1895 г. великими державами, имело компромиссный характер и было проведено с нарушением прав памирских народов, что в дальнейшем осложнило их исторические судьбы. Тем не менее достижение Россией договоренностей по Памиру и прилегающим к нему областям с Англией, Афганистаном и Китаем дало ей возможность оформить свои южные границы *de jure*.

Во-вторых, в работе проанализированы основные мероприятия российского государства по укреплению Памирского района после его добровольного вхождения в состав империи с целью создания тут, на южных границах, зоны безопасности. Россия стала гарантом мирного развития для той части памирских народов, которые по Памирскому разграничению оказались в составе Бухарского эмирата, а затем перешли в подданство «белого царя». Сбалансированная административная и налоговая политика русских властей Памире наряду с уважительным отношением к общественным традициям и религиозным верованиям местного населения способствовала привлечению симпатий памирских этносов к России.

В-третьих, значительное внимание автор уделил развитию Горно-Бадахшанской автономной области как составной части Таджикской ССР в рамках Советского Союза – политическому, социально-экономическому и культурному. При этом были отмечены как позитивные, так и негативные стороны политики центральной и республиканской властей, сформировавшие облик памирской автономии в годы советской власти. С одной стороны, Горный Бадахшан достиг значительных успехов в социокультурной области, особенно в сравнении с теми памирскими территориями, которые по разграничению 1895 г. оказались в составе Афганистана. С другой стороны, государство уделяло недостаточно внимания развитию местной горнодобывающей промышленности, новым технологиям в сельском хозяйстве, что и привело к системному кризису в конце 1980-х гг.

В-четвертых, в работе проанализированы взаимоотношения между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан в постсоветский период и место Горного Бадахшана в их контексте. С учетом того, что ГБАО как составная часть Таджикистана не имеет конституционного права проводить самостоятельную внешнеполитическую деятельность, но при этом остается важным геостратегическим регионом, России предстоит выработать адекватную позицию по отношению к нему, не нарушая при этом государственного суверенитета Республики Таджикистан. Можно предположить, что проблема экономических и политических связей с Памиром, занимающим особое положение в республике, будет нелегка в российско-таджикских отношениях. Однако если ее не удастся решить, Россия в условиях конкуренции с США и их европейскими партнерами потеряет авторитет в этом регионе, население которого традиционно занимало пророссийские позиции.

Таким образом, в диссертации раскрыты основные направления внутренней и внешней политики России, СССР и Российской Федерации в отношении Памира, выявлены особенности, связанные с тем, что этот район до сих пор играет роль важнейшего пограничного форпоста, соединяющего Европу со странами Ближнего и Среднего Востока. Сохранение политического влияния на этот регион – насущная задача России в условиях новой Большой игры, разворачивающейся на просторах Евразийского континента.

По теме диссертации автором опубликовано 10 работ общим объемом 11,5 п.л.

Статьи в научных журналах, определенных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации

1. Терехов В.П. Борьба за Памир // Вестник Орловского государственного университета. Сер. «Новые гуманитарные исследования». 2011. № 2(16). Март–апрель. С. 67–69 (0,3 п.л.).
2. Терехов В.П. Памирские экспедиции Б.Л. Громбчевского // Власть. 2011. № 5. С. 157–159 (0,3 п.л.).
3. Терехов В.П. Из истории памироведения: три экспедиции графа А.А. Бобринского // Этнографическое обозрение. 2011. № 2. С. 27–43 (1,0 п.л.).

Монографии по теме диссертации

4. Каландаров Т.С., Терехов В.П. Путешествие в страну рубиновых гор М., 2006. 285 с. (16,0/8,0 п.л.).

Статьи в научных изданиях

5. Терехов В.П. Народы Западного Памира в научном творчестве А.К. Писарчик // Лавровский сб.: Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология, 2006–2007 / Отв. ред. И.В. Стасевич, Ю.Ю. Карпов. СПб., 2007. С. 13–17 (0,3 п.л.).
6. Каландаров Т.С., Терехов В.П. Геополитика и развитие научных знаний (интеграция науки и высшего образования на примере Памира в XIX столетии) // Высшее образование для XXI века. V международная научная конференция: Москва, 13–15 ноября 2008 г.: Доклады и материалы. Секция 6: Высшее образование и мировая культура. Вып. 1. М., 2008. С. 54–61 (0,4/0,2 п.л.).
7. Терехов В.П. Генезис отечественного памироведения (вузовский спецкурс) // Высшее образование для XXI века. VII международная научная конференция: Москва, 18–20 ноября 2010 г.: Доклады и материалы. Секция 6: Высшее образование и мировая культура. Вып. 2. М., 2010. С. 46–53 (0,4 п.л.).

8. Моногарова Л.Ф., Каландаров Т.С., Терехов В.П. Икромиддин Мухиддинов (In Memoiam) // Этнографическое обозрение. 2011. № 2. С. 189–191 (0,3/0,1 п.л.).

9. Терехов В.П. Генезис отечественного памироведения // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 124–128 (0,4 п.л.).

10. Терехов В.П. Памирцы: кто они? (мнения, дискуссии, трудности выбора) // Групповая идентичность в истории и культуре: этнос, религия, социальный организм: Сб. научных статей. М., 2011. С. 222–227 (0,5 п.л.).

Подписано в печать 11.10.2011г. Заказ №
Формат 60x84 1/16. Объем 1,5 п.л. Тираж 100 экз.
Издательство ННОУ ВПО «Московский гуманитарный университет»
111395, Москва, ул. Юности 5/1.